

Уильям Теккерей

История Сэмюэля Титмарша
и знаменитого
бриллианта Хоггарти

Перевод с английского
Раисы Облонской

ФТМ

Уильям Теккерей

**История Сэмюэля Титмарша и
знаменитого бриллианта Хоггарти**

«ФТМ»

Теккерей У. М.

История Сэмюэля Титмарша и знаменитого бриллианта Хоггарти /
У. М. Теккерей — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2828-2

Теккерей Уильям Мейкпис (1811-1863) давно занял свое заслуженное место среди классиков мировой литературы, и сегодня уже никто не сомневается в силе его дарования и значении его наследия. Роман в переводе Виктора Александровича Хинкиса "История Сэмюэла Титмарша и знаменитого бриллианта Хоггарти" в переводе Раисы Ефимовны Облонской - шедевр сатирической прозы английской литературы XIX века и повествует, по словам автора, об "осмотрительном обращении" с друзьями и деньгами, о борьбе доверия с жадностью. Главный герой задается вопросом стоит ли рисковать своим общественным и финансовым положением ради призрачной выгоды.

ISBN 978-5-4467-2828-2

© Теккерей У. М.

© ФТМ

Содержание

ГЛАВА I,	5
ГЛАВА II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Уильям Мейкпис Теккерей

История Сэмюэла Титмарша и знаменитого бриллианта Хоггарти

ГЛАВА I, в которой описывается наша деревня и впервые сверкает знаменитый бриллиант

Когда, проведя дома свой первый отпуск, я возвращался в Лондон, моя тетушка, миссис Хоггарти, подарила мне бриллиантовую булавку; вернее, в ту пору это была не булавка, а большой старомодный аграф (сработанный в Дублине в 1795 году), который покойный мистер Хоггарти нашивал на балах у лорда-наместника и в иных прочих местах. Дядюшка, бывало, рассказывал, что аграф на нем был и в битве при Винегер-Хилле, когда не сносить бы ему головы, если бы не косичка, – но это к делу не относится.

В середине аграфа помещался портрет самого Хоггарти в алом ополченской мундире, а вокруг тринадцать локонов, принадлежавших чертовой дюжине его сестриц; но так как в семье Хоггарти волосы у всех были ярко-рыжие, то человеку с воображением портрет мог показаться большим свежим куском говяжьей вырезки, окруженным тринадцатью морковками. Морковки эти были выложены на покрытое синей глазурью блюдо; и казалось, все они вырастают из знаменитого бриллианта Хоггарти (как его называли в нашем семействе).

Нет нужды разъяснять, что тетушка моя – женщина богатая; и я считал, что не хуже всякого другого мог бы сделаться ее наследником.

Во время месячного моего отпуска она была чрезвычайно мною довольна; часто приглашала выкушать с ней чаю (хотя в деревне нашей была некая особа, с которой я предпочел бы в эти золотые летние вечера прогуливаться по скошенным лугам); всякий раз, как я послушно пил ее скверный черный чай, обещала, что, когда я буду уезжать в город, не оставит меня своими милостями; мало того, три, а то и четыре раза приглашала на обед, а обедала она в три часа пополудни, а потом на вист или крибедж. Карты – это бы еще ничего, потому что, хоть мы и играли по семи часов кряду и я всегда оставался в проигрыше, потери мои составляли не более девятнадцати пенсов за вечер; но в обед и в десять часов к ужину у тетушки подавали кислое черносмородинное вино; отказаться от него я не смел, но, поверьте, испив его, всякий раз терпел адские муки.

Таково угождая тетушке да наслушавшись ее обещаний, я решил, что она пожалует мне по меньшей мере двадцать гиней (у ней их было в ящике комода несчетно); и так я был уверен в этом подарке, что молодая особа по имени Мэри Смит, с которой я об этом беседовал, даже связала кошелечек зеленого шелка и подарила его мне (за скирдой Хикса – это если за кладбищем свернуть по тропинке направо), – да, и подарила его мне, обернутым в папиросную бумажку. Если уж говорить всю правду, кошелечек был не пустой. Перво-наперво, там лежал крутой локон, такой черный и блестящий, каких вы в жизни не видывали, а еще три пенса, вернее, половинка серебряного шестипенсовика на голубой ленточке, чтобы можно было носить на шее. А вторая половинка... ах, я знал, где находится вторая половинка, и как же я завидовал этому талисману!

Последний день отпуска я, разумеется, должен был посвятить миссис Хоггарти. Тетушка пребывала в самом милостивом расположении духа и в качестве угощения поставила две бутылки черносмородинного вина, каковые и пришлились главным образом на мою долю.

Вечером, когда все ее гости, надев деревянные галоши, удалились в сопровождении своих горничных, миссис Хоггарти, которая еще раньше сделала мне знак остаться, первым долгом задула в гостиной три восковые свечи, а затем, взяв четвертую, подошла к секретеру и отперла его.

Поверьте, сердце мое отчаянно колотилось, но я прикинулся, будто и не смотрю в ту сторону.

– Сэм, голубчик, – сказала она, отыскивая нужный ключ, – выпей еще стаканчик Росолио (так она окрестила это окаянное питье), оно тебя подкрепит.

Я покорно стал наливать вино, и рука моя так дрожала, что горлышко позвякивало о край стакана. К тому времени, как я наконец осушил стакан, тетушка перестала рыться в бюро и подошла ко мне; в одной руке у ней мигала восковая свеча, в другой был объемистый сверток. «Час настал», – подумал я.

– Сэмюел, дражайший мой племянник, – сказала она, – тебя назвали в честь твоего святого дяди, моего супруга – благословенна память его, – и своим благонравием ты радуешь меня больше всех моих племянников и племянниц.

Ежели вы примете во внимание, что у моей тетушки шесть замужних сестер, что все они вышли замуж за ирландцев и произвели на свет многочисленное потомство, вы поймете, что я с полным основанием мог счесть слова ее за весьма лестный комплимент.

– Дражайшая тетушка, – вымолвил я тихим взволнованным голосом, – я часто слышал, как вы изволили говорить, что нас, племянников и племянниц, у вас семьдесят три души, и, уж поверьте, я почитаю ваше обо мне высокое мнение чрезвычайно для себя лестным; я его не стою, право же, не стою.

– Про этих мерзких ирландцев и не поминай, – осердясь, сказала тетушка, – все они мне несносны, и мамыши их тоже (нужно сказать, что после смерти мистера Хоггарти не обошлось без тяжбы из-за наследства); а из всей прочей моей родни ты, Сэмюел, оказал себя самым преданным и любящим. Твои лондонские хозяева очень довольны твоей скромностью и благонравием. При том, что получаешь ты восемьдесят фунтов в год (изрядное жалованье), ты, не в пример иным молодым людям, не потратил сверх этого ни одного шиллинга, а месячный отпуск посвятил своей старухе тетке, которая, уж поверь, высоко это ценит.

– Ах, сударыня! – только и молвил я. И более уже ничего не сумел прибавить.

– Сэмюел, – продолжала тетушка, – я обещала тебя одарить, вот мой подарок. Спервоначально хотела я тебе дать денег; но ты юноша скромный, и они тебе ни к чему. Ты выше денег, милый мой Сэмюел. Я дарю тебе самое для меня драгоценное... по... пор... по-ортрет моего незабвенного Хоггарти (слезы), вставленный в аграф с дорогим бриллиантом, – ты не раз от меня о нем слышал. Носи этот аграф на здоровье, любезный племянничек, и помни о нашем ангеле и о твоей любящей тетушке Сьюзи.

И она вручила мне эту махину: аграф был величиной с крышку от бритвенного прибора, надеть его было бы все равно что выйти на люди с косицей и в треуголке. Меня такая взяла досада, так велико было мое разочарование, что я поистине слова не мог вымолвить.

Когда я наконец опомнился, я развернул аграф (аграф называется! Да он огромный, что твой амбарный замок!) и нехотя надел его на шею.

– Благодарствую, тетушка, – сказал я, ловко скрывая за улыбкой свое разочарование. – Я всегда буду дорожить вашим подарком, и всегда он будет напоминать мне о моем дядюшке и о тринадцати ирландских тетушках.

– Да нет же! – взвизгнула миссис Хоггарти. – Не желаю, чтоб ты носил его с волосами этих рыжих мерзавок. Волосы надо выкинуть.

– Но тогда аграф будет испорчен, тетушка.

– Бог с ним с аграфом, сэра, закажи новую оправу.

– А может, лучше вообще вынуть его из оправы, – сказал я. – По нынешней моде он великоват; да отдать его, пусть сделают ранку для дядюшкиного портрета – и я помещу его над камином, рядом с вашим портретом, любезная тетушка. Это ведь премилая миниатюрка.

– Эта миниатюрка, – торжественно изрекла миссис Хоггарти, – шефдевр великого Мулкахи (этим «шефдевром» вместе с «бонтонгом» и «а ля мод де пари» и ограничивались ее познания во французском языке). Ты ведь знаешь ужасную историю этого несчастного художника. Только он кончил этот замечательный портрет, а писал он его для покойницы миссис Хоггарти, владелицы замка Хоггарти, графство Мэйо, она сейчас его надела на бал у лорда-наместника и села там играть в пикет с главнокомандующим. И зачем ей понадобилось окружить портрет Мика волосами своих ничтожных дочек, в толк не возьму, но уж так она сделала, сам видишь. «Сударыня, – говорит генерал, – провалиться мне на этом месте, да это же мой друг Мик Хоггарти!» Так прямо его светлость и сказал, слово в слово. Миссис Хоггарти, владелица замка Хоггарти, сняла аграф и показала ему. «Как имя художника? – спрашивает милорд. – В жизни не видал такого замечательного портрета!» – «Мулкахи, с Ормондской набережной». – «Клянусь богом, я готов оказать ему покровительство! – говорит милорд; но вдруг потемнел лицом и с неудовольствием вернул портрет. – Художник совершил непростительный промах, – сказал его светлость (он был весьма строг по части воинского устава). – Ведь мой друг Мик человек военный, как же он проглядел эдакое упущение?» – «А что такое?» – спрашивает миссис Хоггарти. «Да ведь он изображен без портупей, сударыня». И генерал с сердцем взял карты и уж до самого конца игры не проронил ни слова. На другой же день все передали мистеру Мулкахи, и бедняга тот же час повредился в уме! Он ведь все свое будущее поставил в зависимость от этой миниатюры и объявил во всеуслышанье, что она будет безупречна. Вот как подействовал упрек генерала на чувствительное сердце художника! Когда, миссис Хоггарте приказала долго жить, твой дядюшка взял портрет и уже не снимал его. Сестрицы его говорили, что это ради бриллианта, а на самом-то деле, – у, неблагодарные! единственно из-за их волос он и носил этот аграф, да еще из любви к изящным искусствам. А что до бедняги художника, любезный мой племянник, кое-кто говаривал, будто он выпивал лишнее, оттого с ним и приключилась белая горячка, но я этому веры не даю. Налей-ка себе еще стаканчик Росолио.

Всякий раз, как тетушка рассказывала эту историю, она приходила в отличное расположение духа, и сейчас она пообещала заплатить за новую оправу для бриллианта и приказала мне, по приезде в Лондон, сходить к знаменитому ювелиру мистеру Полониусу, а счет переслать ей.

– Золото, в которое оправлен бриллиант, стоит самое малое пять гиней, сказала она, – а в новую оправу тебе его могут вставить за две гинеи. Но разницу ты оставь, голубчик, себе и купи все, что твоей душевке угодно.

На том тетушка со мною распрощалась. Когда я выходил из дому, часы били двенадцать, ибо рассказ о Мулкахи всегда занимал ровным счетом час, и шел я по улице уже не в таких расстроенных чувствах, как в ту минуту, когда мне вручен был подарок; «В конце концов, – рассуждал я, – бриллиантовая булавка – вещь красивая и прибавит мне изысканности, хоть платье мое совсем износилось. – А платье мое и вправду износилось. – Что ж, – рассуждал я далее, – на три гинеи, которые я получу, я смогу купить две пары невыразимых», – а, между нами говоря, у меня в них была большая нужда, я ведь в те поры только что перестал растя, а панталоны были мне сшиты за добрых полтора года перед тем.

Итак, шел я по улице, руки в карманы, а в кармане у меня был кошелечек, который накануне подарила мне малютка Мэри; для милых вещиц, что она в него вложила, я нашел другое место, какое – говорить не стану; но видите ли, в те дни у меня было сердце, и сердце пылкое; в кошелек же я собирался положить тетушкин дар, которого так и не дождался, вместе с моими скромными сбережениями, которые после пикета и крибеджа уменьшились на двадцать пять

шиллингов, так что по моим подсчетам, после того как я оплачу проезд до Лондона, у меня еще останется две монетки по семь шиллингов.

Я только что не бежал по улице: я так спешил, что, будь это возможно, я бы догнал десять часов, которые прошли мимо меня два часа назад, когда я сидел за мерзким Росолио и слушал нескончаемые тетушкины рассказы. Ведь в десять мне следовало быть под окошком некоей особы, которая должна была в тот час любоваться луною, высунув из окна свою прелестную головку в папильотках и в премиленьком плоеном чепчике.

Но окно было уже закрыто, и даже свеча не горела; и чего только я не делал, стоя у садовой ограды: и покашливал, и посвистывал, и напевал песенку, которая так нравилась некоей особе, и даже кинул в заветное окно камешком, который угодил как раз в оконный переплет, – все одно никто не проснулся, только громаднейший дворовый пес принялся рычать, лаять, да кидаться на ограду против того места, где я стоял, так что чуть было не ухватил меня за нос.

И пришлось мне поскорее убраться восвояси; а на другое утро в четыре часа моя матушка и сестры уже собрали завтрак, а в пять под окнами загромыхал лондонский дилижанс «Верный Тори», и я взобрался на империал, так и не повидавшись с Мэри Смит.

Когда мы проезжали мимо ее дома, мне показалось, что занавеска на ее окне чуть отодвинута. Зато окошко уж вне всякого сомнения стояло настежь, а ночью оно было затворено; но вот уже ее домик остался позади, а вскорости и деревня наша, и церковь с кладбищем, и скирда Хикса скрылись из виду.

* * *

– Ух ты, какая штукавина! – вытаращив на меня глаза и попыхивая сигарой, сказал конюх кучеру, и беззастенчиво ухмыльнулся.

Дело в том, что, воротясь от тетушки, я так и не раздевался; на душе у меня было неспокойно, да еще следовало уложить все мое платье, и мысли были заняты другим, вот я и, позабыл про аграф миссис Хоггарти, который с вечера прицепил к рубашке.

ГЛАВА II

Повествует о той, как бриллиант был привезен в Лондон и какое удивительное действие оказал он в Сити и в Вест-Энде

События, о коих рассказывается в этой повести, произошли лет двадцать назад, когда, как, вероятно, помнит любезный читатель, в лондонском Сити вошло в моду учреждать всякого рода компании, благодаря которым многие нажили себе изрядное состояние.

Надобно сказать, что в те поры я исправлял должность тринадцатого конторщика из числа двадцати четырех молодых людей, на которых лежало все делопроизводство Западно-Дидлсекского независимого страхового общества, каковое помещалось в великолепном каменном доме на Корнхилле. Моя матушка вложила в это общество четыреста фунтов, и они приносили ей ежегодно не менее тридцати шести фунтов дохода, тогда как ни в каком другом страховом обществе она не получила бы более двадцати четырех. Председателем правления был знаменитый мистер Брафф из торгового дома «Брафф и Хофф. Торговля с Турцией», что на Кратчед-Фрайерз. То была новая фирма, но она, как никакая другая фирма в Сити, преуспела в торговле фигами и губками и в особенности зантской коринкою.

Брафф был известным лицом среди диссидентов, и в списке любого благотворительного общества, учреждаемого этими добрыми христианами, всякий раз оказывался среди самых щедрых жертвователей. В его конторе на Кратчед-Фрайерз трудились девять молодых людей; он принимал к себе на службу лишь тех, кто мог предъявить свидетельство учителя и священника своего родного прихода, ручавшихся за его нравственность и веру; и столько было желающих поступить к нему на место, что всякий молодой человек, которого он заставлял в поте лица трудиться по десяти часов в день, а в награду за это обучал всем хитростям торговли с турками, при вступлении в должность вкладывал в дело четыреста, а то и пятьсот фунтов. На бирже Брафф тоже был человек известный; и наши молодцы не раз слышали от биржевых служащих (мы обыкновенно вместе обедали в «Петухе и Баране», заведении весьма добропорядочном, где всего за шиллинг подавали изрядный кусок говядины, хлеб, овощи, сыр, полпинты пива да пенни на чай), какие грандиозные операции Брафф совершал с испанскими, греческими и колумбийскими акциями. Хофф ко всему атому касательства не имел, он сидел в конторе и занимался единственно делами торгового дома. Это был молодой, тихий, степенный квакер, и Брафф взял его в компаньоны ради тридцати тысяч фунтов, которые тот вложил в фирму, – тоже недурная сделка. Мне сказали, вод строжайшим секретом, что из года в год прибыль фирмы составляла добрых семь тысяч фунтов; из них Брафф получает половину, Хофф – две шестых и одну шестую – старик Тадлоу, который был первым помощником Браффа еще до того, как в дело вошел Хофф. Тадлоу всегда ходил в самом убогом платье, и мы считали его скрягой. Один из наших конторщиков, по имени Боб Свинни, уверял, что никакой доли Тадлоу не получает и что вообще все получает один Брафф; но Боб был известный враль и ловкач, щеголял в зеленом сюртуке и бесплатно ходил в театр «Ковевт-Гарден». В заведении, так мы называли нашу контору, хотя она ни в чем не уступала самым великолепным конторам на Корнхилле) он вечно соловьем разливался об Лючии Вестрис и мисс Три и напевал:

Ежевика, ежевика,
Что за чудо ежевика!

хорошо известную песенку Чарли Кембла из пьесы «Девушка Мэриен» – самой модной в том сезоне, – она взята из книги рассказов некоего Пикотса, конторщика в управлении «Ост-Индской Ко» (а ведь какое место завидное занимает).

Когда Брафф проведал, как Боб Свинни его поносит, да еще про то, что он бесплатно ходит театр, он пришел в контору, где все мы сидели – все двадцать четыре, – и такую произнес прекрасную речь, каких я отродясь не слыхивал. Он сказал, что никакое злословие его не заботит, уж таков удел человека строгих правил, ежели он печется о благе людском и при этом строго держится этих своих правилу но зато его очень даже заботит нрав и поведение каждого, кто служит в Западно-Дидлсекском страховом обществе. Им доверено благосостояние тысяч людей; через их руки что ни день проходят миллионные суммы; Лондон, какое там – вся страна ждет от них рачительности, честности, доброго примера. А ежели среди тех, кого он почитает, за своих детей, кого любят, точно родную плоть и кровь, найдется такой, кто исполняет свою должность без усердия, кто позабыл о честности, кто перестал являть добрый пример, ежели его дети преступили спасительные правила нравственности, религии и благопристойности (мистер Брафф всегда изъяснялся возвышенно), кто бы это ни был – самый первый человек в его конторе или самый последний, главный ли конторщик с жалованьем шестьсот фунтов в год или швейцар, подметающий крыльцо, – ежели он хоть на малый шаг сойдет со стези добродетели, – он, мистер Брафф, отторгнет его от себя, да, отторгнет, будь то даже его родной сын!

И, сказавши так, мистер Брафф разразился слезами; а мы все, не зная, что за этим воспоследует, переглядывались друг с другом и дрожали, как зайцы, – все, кроме Свинни, двенадцатого конторщика, которому все это было как с гуся вода. Когда мистер Брафф осушил слезы и пришел в себя, он оборотился и – ох, как у меня заколотилось сердце! – поглядел мне прямо в глаза. И с каким облегчением, однако же, я перевел дух, когда он воззвал громовым голосом:

– Мистер Роберт Свинни!

– К вашим услугам, сэр, – как ни в чем не бывало отозвался Свинни, и кое-кто из конторщиков захихикал.

– Мистер Свинни! – еще громче провозгласил Брафф. – Мистер Свинни, когда вы вошли в эту контору, в эту семью, сэр – ибо я с гордостью утверждаю, что это поистине семья, сэр, – вас встретили здесь двадцать три молодых человека – других таких благочестивых и усердных сослуживцев и не сыщешь, и им вверено богатство нашей столицы и нашей славной империи. Здесь царствовали, сэр, трезвость, усердие и благопристойность; в этом храме, в храме... деловых операций, не было места богохульным куплетам; здесь не злословили шепотком о своих начальниках – но я не стану отвечать на это злословие, сэр, я могу позволить себе пренебречь им; никакие легкомысленные разговоры, никакие грубые шутки не отвлекали внимание этих джентльменов, не оскверняли мирную картину их труда. Вас встретили, сэр, добрые христиане и джентльмены!

– Я, как и все, заплатил за свое место, – сказал Свинни. – Разве мой родитель не купил ак...

– Ни слова больше, сэр! Конечно же, ваш почтенный батюшка купил акции этого предприятия, и в один прекрасный день они его обогатят. Да, сэр, он купил акции, иначе эти двери не раскрылись бы перед вами. Я с гордостью заявляю, что у каждого из моих юных друзей есть кто-нибудь – отец ли, брат, близкий родственник или друг, – кто теми же узами связан с нашей процветающей фирмой, и что каждый, кто здесь служит, получает комиссионные за то, что привлекает к нам новых акционеров. Однако же, сэр, глава этого дела я. Я в свое время утвердил вас в должности, и, как вы сейчас убедитесь, я же, Джон Брафф, вас от нее отрешаю. Оставьте нас, сэр!.. Уходите, покиньте нашу семью, в лоне ее уже нет более для вас места! Я не сразу решился на этот шаг, мистер Свинни; я лил слезы, сэр, я возносил молитвы; я советовался, сэр, и теперь решение мое твердо. Оставьте нас, сэр!

– Только сперва заплатите мне жалованье за три месяца. Я ведь стреляный воробей, мистер Брафф.

– Деньги будут выплачены вашему батюшке, сэр.

– К черту батюшку! Я вам вот что скажу, Брафф; я совершеннолетний, и, если вы не отдадите мне мое жалованье, я упеку вас за решетку... вот провалиться мне на этом месте! Вы у меня узнаете, почем фунт лиха, это уж как пить дать!

– Выпишите этому бессовестному молодому человеку чек на трехмесячное жалованье, мистер Раундхэнд.

– Двадцать один фунт пять шиллингов, Раундхэнд, и никаких вычетов за гербовую марку! – крикнул нахал Свинни. – Вот так, распишемся в получении. И не нужно передаточной надписи на моего банкира. А если кто из вас, джентльмены, пожелает нынче в восемь вечера бесплатно выпить по стаканчику пунша, Боб Свинни к вашим услугам! Может быть, и мистер Брафф окажет мне честь, погуляет с нами вечерок? Ну-ну, только не говорите «нет»!

Мы больше не могли молча слушать его дерзости и принялись хохотать, как сумасшедшие.

– Вон отсюда! – весь побагровев, взревел мистер Брафф; Боб снял с крючка свою белую шляпу – колпак, как он ее называл – и, лихо заломив ее, неспешным шагом удалился.

Когда дверь за ним затворилась, мистер Брафф прочел нам еще одну рацею, которую все мы решили намотать на ус; потом он подошел к конторке Раундхэнда и, обнявши его за плечи, заглянул в гроссбух.

– Каковы сегодня поступления, Раундхэнд? – весьма благодушно осведомился он.

– Та вдова, сэр, принесла деньги – девятьсот четыре фунта десять шиллингов шесть пенсов. Капитан Спар полностью оплатил свои акции, сэр; поворчал, правда, говорит, совсем обезденежел; пятьдесят акций, два взноса итого сто пятьдесят фунтов, сэр.

– Он всегда ворчит.

– Говорит, у него ни гроша за душой не осталось, вся надежда, мол, на дивиденды.

– Еще что-нибудь есть?

Мистер Раундхэнд углубился в гроссбух и через несколько времени объявил, что всего поступила одна тысяча девятьсот фунтов. Дело росло, как на дрожжах, и последнее время мы трудились в поте лица; а ведь когда я вступил в должность, мы целыми днями били баклуши – пересмеивались, перешучивались, читали газеты, и только ежели забредал случайный клиент, разбегались к своим конторкам. В те поры Брафф спускал нам и смех и песенки, и казалось, с Бобом Свинни их водой не разольешь; но то все было на самой заре, пока еще нас не запрягли как следует.

– Тысяча девятьсот фунтов, и еще тысяча фунтов в акциях. Bravo, Раундхэнд, bravo, джентльмены! Помните: каждая акция, приобретенная благодаря вашему усердию, приносит вам пять процентов наличными. Берите пример друг с друга, будьте прилежны, добропорядочны. Надеюсь, все вы исправно посещаете церковь. Кто займет место мистера Свинни?

– Мистер Сэмюэл Титмарш, сэр.

– Поздравляю вас, мистер Титмарш. Жму вашу руку, сэр; отныне вы двенадцатый конторщик нашего общества, и ваше жалованье соответственно повышается на пять фунтов в год. Как поживает ваша почтенная матушка, сэр, ваша дорогая, бесценная родительница? Надеюсь, она в добром здравии? Я горячо молюсь, чтобы еще долгие, долгие годы наша фирма могла выплачивать ей ежегодную ренту! Если у нее есть свободные деньги, ей теперь еще больше смысла вложить их в наше дело, – ведь она стала на год старше; а вы, мой дорогой, получите пять процентов, помните об этом. Чем вы хуже других? Молодой человек – он молодой человек и есть, и десять фунтов ему никак не помешают. А то, может, помешают, а, мистер Абеднего?

– Как можно, сэр! – воскликнул Абеднего, третий конторщик, тот самый, что донес на Свинни, и захихикал, как хихикали все мы всякий раз, как мистер Брафф изволил шутить; не то чтобы это были смешные шутки, но по лицу его мы всегда понимали: это он шутит.

– Да, кстати, – вдруг говорит он, – у меня к вам дело, Раундхэнд. Миссис Брафф желает знать, что это вы никогда не заглянете к нам в Фулем.

– Да неужто, как любезно с ее стороны! – воскликнул польщенный Раундхэнд.

– Назначьте день, дорогой! Ну, скажем, субботу, и прихватите с собой ночной колпак.

– Вы очень любезны, сэр, очень. Я бы с восторгом, но...

– Но?.. Никаких «но», дорогой! Слушайте! Мой обед почтит своим присутствием сам министр финансов, и я хочу с ним вас познакомить; ибо, по правде говоря, я похвастался вами перед его светлостью, сказал, что другого такого страхового статистика не сыщешь в целом королевстве.

Ну, как мог Раундхэнд отказаться от такого приглашения! А ведь он рассказывал нам, что субботу и воскресенье собирается провести с женой в Патни; и мы, которые знали, что за жизнь у бедняги, не сомневались, что, услышавши про это приглашение, супруга нашего старшего конторщика разбранит его на чем свет стоит. Она сильно не жаловала миссис Брафф: разъезжает в собственной карете, а говорит, что ведать не ведает, где это Пентонвилл, и даже не соблаговолила нанести ей визит. А ведь уж как-нибудь ихний кучер нашел бы дорогу.

– Ах да, Раундхэнд! – продолжал наш хозяин. – Выпишите-ка мне чек на семьсот фунтов. Ну-ну, нечего пялить на меня глаза, любезный, я не собираюсь удрать! Вот именно, семьсот, ну, скажем, семьсот девяносто, раз уж вам все равно выписывать. В субботу заседает правление, так что не бойтесь, я отчитаюсь перед ними за эти деньги еще до того, как повезу вас в Фулем. За министром мы заедем в Уайтхолл.

И с этими словами мистер Брафф сложил чек и, очень сердечно пожав руку мистеру Раундхэнду, сел в свою карету, запряженную четверкой лошадей, которая поджидала его у дверей конторы (он всегда ездил четверкой, даже в Сити, где это было нелегко).

Боб Свинни говаривал, что двух его лошадей оплачивала компания; но Боб такой был пустобрех да насмешник, что его рассказням и вполовину нельзя было верить.

Уж не знаю, почему так вышло, но в тот вечер и мне, и джентльмену по имени Хоскинс (одиннадцатому конторщику), с которым мы снимали очень уютные комнатки на третьем этаже в доме на Солсбери-сквер, близ Флит-стрит, вдруг прискучили наши дуэты на флейте, и так как погода была отменная, мы отправились к Вест-Энду прогуляться. Через несколько времени мы очутились напротив театра «Ковент-Гарден», неподалеку от кабачка «Глобус», и тут только вспомнили радушное приглашение Боба Свинни. Мы, конечно, почитали все это за шутку, но решили все же на всякий случай заглянуть туда.

И там, хотите верьте – хотите нет, как и было обещано, в дальней зале во главе стола, в густом табачном дыму, восседал Боб, а с ним восемнадцать наших джентльменов, и они говорили все сразу и стучали стаканами по столу.

Слышали бы вы, какой они подняли крик, увидевши нас!

– Ур-р-ра! – прокричал Боб. – Еще двое! Еще два стула, Мэри, еще два стакана, еще на двоих горячей воды и две порции джина! Господи боже, кто бы подумал, что и Титмарш к нам припожалует?

– Так мы ж тут по чистой случайности, – сказал я.

При этих словах поднялся оглушительный хохот: оказалось, что положительно все говорили, будто их привел сюда случай. Так или иначе, случай подарил нам превеселый вечерок; и радушный Боб Свинни заплатил за всех нас все до единого шиллинга.

– Джентльмены! – провозгласил он, расплатившись. – Выпьем за здоровье Джона Браффа, эсквайра, и поблагодарите его за подарок, который он преподнес мне нынче утром, – двадцать один шиллинг пять пенсов. Да нет, какие там двадцать один шиллинг пять пенсов?

К этой сумме прибавьте еще жалованье за месяц – мне пришлось бы его выложить за то, что я ухожу без предупреждения, ибо завтра утром я все равно намеревался уйти... Я нашел местечко первый сорт, скажу я вам. Пять гиней в неделю, шесть поездок в год, к моим услугам лошадь и двуколка, а ездить надобно на запад Англии, собирать заказы на масло и спермацет. Так что да сгинет газ и за здоровье господ Ганн и компания, Лондон, Темз-стрит!

Я так подробно рассказываю о Западно-Дидлсекском страховом обществе и об его директоре-распорядителе мистере Браффе (вы, надо думать, понимаете, что и имя директора, и название общества вымышленные), потому что, как я намереваюсь показать, и моя собственная судьба, и судьба моей бриллиантовой булавки непостижимым образом переплелись и с тем и с другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.